

А.А. Сычёв

© Сычёв А.А., 2021

НРАВСТВЕННЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ ХРОНОТОПА

Аннотация. В статье на основании анализа работ А.А. Ухтомского и М.М. Бахтина реконструируются моральные смыслы хронотопа. Развитие хронотопа как этической категории рассмотрено в историческом контексте перехода от этики норм (коренящихся во вневременном и надпространственном абсолюте) к этике поступков (совершаемых в конкретном времени и пространстве). Этот переход трактуется как аналог поворота от классической механики к теории относительности. Отмечается, что теории Ухтомского и Бахтина исходят из приоритета уникального поступка, совершаемого в конкретное время в определенном месте, перед общей теорией, а также признают необходимость учета Другого, придающего образовавшемуся пространственно-временному целому ценность и смысл. Хронотоп интерпретирован как совокупность пространственно-временных условий, задающих возможности для человеческого поступка. В завершении современные моральные проблемы рассматриваются с позиции этики хронотопа.

Ключевые слова: хронотоп; время; пространство; этика; Другой; поступок; доминанта; А.А. Ухтомский; М.М. Бахтин.

Получено: 12.08.2021

Принято к печати: 06.09.2021

Информация об авторе: *Сычёв* Андрей Анатольевич, доктор философских наук, профессор, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, ул. Большевикская, 68, 430005, Саранск, Россия.

E-mail: sychevaa@mail.ru

Для цитирования: *Сычёв А.А.* Нравственные измерения хронотопа // Литературоведческий журнал. 2021. № 4(54). С. 100–119.

DOI: 10.31249/litzhur/2021.54.06

Andrey A. Sychev
© Sychev A.A., 2021

MORAL DIMENTIONS OF CHRONOTOPE

Abstract. The paper reconstructs the ethical implications of chronotope in the works of Alexei Ukhtomsky and Mikhail Bakhtin. The development of the concept is analyzed in the historical context of the transition from the ethics of norms (rooted in the timeless and non-spatial absolute) to the ethics of acts (performed in the specific time and space). It is shown that both theories of the chronotope proceed from the idea of the priority of a unique act (committed at a specific time in a certain place) before a general theory, and recognize the need to take into account the Other, who adds the dimension of value to the space-time unity. The chronotope is interpreted as a set of spatio-temporal conditions that sets the possibilities for a moral act. In conclusion the applications of the category of chronotope to the study of contemporary moral reality are discussed.

Keywords: chronotope; time; space; ethics; the Other; act; the dominant; Alexei Ukhtomsky; Mikhail Bakhtin.

Received: 12.08.2021

Accepted: 06.09.2021

Information about the author: *Andrey A. Sychev*, DSc in Philosophy, Professor, Ogarev Mordovia State University, Bolshevistskaya Street, 68, 430005, Saransk, Russia.

E-mail: sychevaa@mail.ru

For citation: Sychev, A.A. "Moral Dimensions of Chronotope". *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 4(54), 2021, pp. 100–119. (In Russ.)

DOI: 10.31249/litzhur/2021.54.06

Введение

Проблема связи времени и пространства оказалась в центре внимания науки в начале XX в. До этого времени в классической научной картине мира (конституирующим образцом которой является механика Ньютона) время и пространство рассматривались как абсолютные вместилища материальных тел. Пространство в этой системе понималось как жесткая трехмерная сетка координат, а время – как необратимый поток, который во всех частях Вселенной течет с одинаковой скоростью. Время и пространство не зависят ни друг от друга, ни от системы отсчета, ни от материальных

объектов. Они создают неизменный фон, на котором разыгрываются все события мира.

В неклассической науке, исходной моделью которой является теория Эйнштейна, время и пространство спаяны в единый четырехмерный континуум. Материальные объекты оказывают на него влияние, а он в свою очередь воздействует на объекты. Пространство и время зависят друг от друга, от системы отсчета и материальных тел (например, массивные объекты деформируют ткань пространства, а время замедляется при движении). Математик Г. Минковский предложил графическую трактовку единого пространства-времени, где каждая точка имеет помимо пространственных и временную координату. Он назвал ее событием или мировой точкой, а всю совокупность точек, которые описывают движение объекта, – мировой линией. Таким образом, с позиции теории относительности весь мир может быть представлен в виде совокупности событий, из которых выстраиваются взаимосвязанные мировые линии.

Проникновение этих идей в гуманитарные науки трансформирует оптику взгляда на человека. Если для классической науки он – точка, абстрактная фигура в декартовой системе координат, существующая наряду с другими точками, то на схеме Минковского человек – это линия, разворачивающаяся в пространстве и времени. Линия – это длительность, соответственно в неклассической парадигме бытие человека сводится к его деятельности, поступкам. Кроме того, в отличие от абстрактных точек, не имеющих никаких свойств, каждая мировая линия уникальна. Наконец, линии в отличие от точек могут пересекаться. Эти и подобные соображения стали толчком для переосмысления бытия человека у многих мыслителей XX в., в числе которых – А.А. Ухтомский и М.М. Бахтин, разработавшие идею хронотопа как единства времени, пространства и смысла.

Сегодня понятие «хронотоп» прочно вошло в арсенал гуманитарных наук и применяется как инструмент познания художественной, исторической, культурной, психической реальности. Но, хотя этические идеи и Ухтомского, и Бахтина хорошо известны, хронотоп практически не используется для исследования моральной реальности.

Периферийность исследований хронотопа для этики можно объяснить, прежде всего, магистральной для Нового времени традицией понимания морали как совокупности безусловных универсальных норм (образцовым примером такого подхода является деонтология Канта). В рамках этой традиции обязывающая сила моральных норм не зависит от временных и пространственных условий их реализации (как, впрочем, и любых других условий).

Однако в XX в. были намечены различные альтернативные (феноменологические, экзистенциальные, герменевтические и т.д.) варианты переосмысления этики, раскрывающие перспективы для увязывания поступков и ценностей с пространством и временем. Весомый вклад в этот процесс внесли также идеи Ухтомского и Бахтина.

Смещение фокуса этики от абстрактной нормы к конкретному поступку по своему значению может быть сопоставимым с поворотом от механики И. Ньютона к физике А. Эйнштейна в естественных науках. Норма (такая, как категорический императив) действительна всегда и везде. Поступок же совершается в определенный момент и имеет четкую локализацию. Хронотопический анализ наилучшим образом иллюстрирует этот поворот в понимании морали.

Несмотря на то что мораль в интерпретациях как Ухтомского, так и Бахтина получает специфическое пространственно-временное измерение, развернутых исследований хронотопа на материале морали ни тот ни другой не предпринимали (или же они до нас не дошли). Фактически доступны только отдельные высказывания Ухтомского о хронотопе: черновик тезисов доклада 1925 г. «О временно-пространственном комплексе, или хронотопе» и ряд упоминаний этой проблемы в некоторых статьях и письмах [7; 8].

На момент написания работ Бахтина о нравственной философии понятие «хронотоп» еще не было сформулировано. Что касается рукописи «Формы времени и хронотопа в романе», то здесь Бахтин (сменивший к этому времени область своих преимущественных исследований и в дальнейшем не возвращавшийся к этике) четко ограничивает сферу употребления этого понятия теорией и историей литературы. Он пишет: «Хронотоп мы понимаем как

формально-содержательную категорию литературы (мы не касаемся здесь хронотопа в других сферах культуры)» [2, т. 2, с. 341].

Таким образом, идеи этих мыслителей, посвященные моральному измерению хронотопа, можно не столько описать, сколько реконструировать, опираясь, соответственно, на этические учения о доминанте и поступке.

1. Этика хронотопа у А.А. Ухтомского

На основании идей Минковского и Эйнштейна Ухтомский в середине 1920-х годов предложил понятие «хронотоп». Он писал: «С точки зрения хронотопа, существуют уже не отвлеченные точки, но живые и неизгладимые из бытия события; те зависимости (функции), в которых мы выражаем законы бытия, уже не отвлеченные кривые линии в пространстве, а “мировые линии”, которыми связываются давно прошедшие события с событиями данного мгновения, а через них – с событиями исчезающего вдали будущего» [7, с. 267]. Всё во Вселенной – траектории как электрона и планет, так и человеческих судеб – суть мировые линии в хронотопе.

Именно идея хронотопа, по мнению Ухтомского, позволяет наилучшим образом связать воедино «время физики» и «время психологии». Сам он полагал, что лучшим посредником между гуманитарными и естественными науками может стать физиология, исследующая взаимодействия организма со средой. Процесс жизнедеятельности реализуется в пространственно-временной среде, поэтому и принципы, определяющие характер реакций организма на раздражение, организованы хронотопически. При этом Ухтомский отмечал, что организм как целостная система реагирует не на отдельные стимулы, а одновременно на весь комплекс временно-пространственных параметров (условно говоря, организм пытается сократить интервал до того, что удовлетворяет потребности, и увеличить – до того, что представляет угрозу. А выраженность интервала в метрах или секундах – это второстепенный теоретический вопрос).

Организм реагирует на ситуацию в диапазоне, заданном двумя противоположными ориентациями. На низших уровнях организации он выбирает путь наименьшего сопротивления, т.е. стре-

митя к максимальному сокращению пространственно-временного интервала до события удовлетворения своих потребностей. Наиболее явно и последовательно результат этого стремления представлен в организме сидячего паразита. В ходе приспособления большинство органов такого паразита (например, мозг или глаза) упрощаются или атрофируются за ненадобностью.

Альтернативный путь развития предполагает, что организм может пожертвовать удовлетворением своих непосредственных потребностей в настоящем ради получения чего-то более важного спустя определенный промежуток времени. Такой подход предполагает развитие способности к антиципации – просчитыванию будущего. В ходе эволюции животные получают возможность учитывать в своем поведении те события, которые должны произойти при определенных условиях. Такой путь стимулирует увеличение и усложнение мозга, развитие интеллектуальной деятельности, что позволяет все дальше заглядывать в будущее. Высшим продуктом биологической эволюции является мозг человека, способный не просто к реакциям на стимулы, но и к целеполаганию, планированию действий, сознательному проектированию событий с учетом временных и пространственных приоритетов. Таким образом, на уровне высокоразвитого сознания мозг способен предвосхищать пути разворачивания мировых линий, а также осознавать, что движение по пути наибольшего сопротивления ради достижения отдаленных целей способно принести более значимые результаты, чем простая экономия сил.

Если неподвижному паразитирующему организму хронотоп дан как неизменная реальность (он намертво врос в нее), то для человека он задан (является задачей, которую нужно решить). Человек сам постоянно творит хронотопы как в своих действиях, так и в своих мыслях. Мышление – это проектирование возможной реальности. Всякая человеческая мысль сама по себе является потенциальным окном в будущее. Однако существуют люди с особенно развитой способностью ориентации в хронотопе («гении», в терминологии Ухтомского), чьи идеи далеко опережают свое время. В отличие от большинства они способны строить проекты реальности, планируя действия на сотни лет вперед. Таким образом, два крайних полюса хронотопического отношения к миру суть хронотоп паразита и хронотоп гения.

Мораль – это способ регулировать действия человечества на основе гениального предвидения. В истории в качестве подобных провидцев выступили Конфуций, Моисей, Христос, Сократ и другие великие моралисты. Мораль – один из важнейших инструментов, способный представить новую оптику взгляда на мир, сменить близорукость на умение видеть далеко вперед. «Сердце, интуиция и совесть – самое дальнзоркое, что есть у нас, это уже не наш личный опыт, но опыт поколений, донесенный до нас», – утверждает Ухтомский [8, с. 343]. Каждому не обязательно быть гением, мораль дает нам возможность стоять на плечах гигантов.

Опыт и знания, которые накоплены человечеством и зафиксированы в нравственных ценностях и нормах, требуют от человека постоянного активного самопреодоления, постановки ценностно значимых целей, умения жертвовать комфортом и благополучием ради достижения этих целей, т.е. не позволяют ему долго пребывать в покое и самодовольстве. Мораль беспокоит человека, требует работы над собой и понимания своей ответственности. Не случайно Сократ (чьи идеи заложили фундамент европейского понимания морали) сравнивал свою миссию с действиями овода, подгоняющего разленившегося коня: «мне кажется, что бог послал меня городу как такого, который целый день, не переставая, всюду садится и каждого из вас будит, уговаривает, упрекает» [6, с. 85].

Сиюминутная слабость может поставить под угрозу будущее самого дорогого человека: чтобы избежать ситуаций подобного рода, этика устанавливает четкую иерархию ценностей. Фиксированность на собственных физиологических потребностях и гедонистических желаниях (приближающая человека к паразитарным формам жизни) располагается на низшем уровне моральной иерархии. Стремление к благу Другого, ответственность перед ним за последствия своих действий (которые могут простираются в весьма отдаленное будущее) – на высшем. Переориентация доминанты с себя на Другого позволяет изменить перспективу видения мира: такая смена позиции наблюдателя (подобно смене системы отсчета в физике) коренным образом изменяет временные и пространственные параметры мира.

Другой для Ухтомского – это не абстрактный индивид, а лицо, действующее в конкретном пространстве и времени. Соот-

ветственно отношения с ним должны строиться не на положениях отвлеченных теорий, а на стремлении учитывать его мнение, встать на его место, понять его как единственного и незаменимого: «Только там, где ставится доминанта на лицо другого как на самое дорогое для человека, впервые преодолевается проклятие индивидуалистического отношения к жизни, индивидуалистического миропонимания, индивидуалистической науки. Ибо ведь только в меру того, насколько каждый на нас преодолевает самого себя и свой индивидуализм, самоупор на себя, ему открывается лицо другого. И с этого момента, как открывается лицо другого, сам человек впервые заслуживает, чтобы о нем заговорили как о лице» [8, с. 150]. Здесь этика Ухтомского близка к идеям философа-диалогиста Э. Левинаса, для которого именно лицо Другого задает отношениям моральный смысл [5, с. 168–169].

Человек, замкнутый в своей индивидуальности как в скорлупе, ориентирован на согласие с собой, самоудовлетворенность. Он глух к голосам других и пропускает через фильтр своего восприятия только то, что желает услышать, что согласуется с его собственными мыслями. Чужие действия он пытается подогнать под свои теории и нередко ради подтверждения этих абстрактных теорий готов жертвовать конкретными людьми. В чужом сознании он пытается рассмотреть только свое отражение, обнаружить собственного двойника. Такой человек демонстрирует полную неспособность к пониманию того, что выходит за рамки его житейского кругозора и доктрин, в которые он верит. Так, если он убежден в изначальной испорченности человеческой природы, то, столкнувшись даже лицом к лицу со святым или гением, он не поймет их миссии, увидев в них таких же обманщиков, как и он сам (вспомним, как большинство современников отнеслось к Сократу и Христу).

Человек, ориентированный на себя, стремится избежать конфликтов, поиска, метаний: жизни как таковой. Его цель – душевное спокойствие, полное совпадение с собой, достижение которого уже не предполагает дальнейших изменений. Ухтомский ассоциирует такое состояние с аутизмом, солипсизмом, духовной смертью.

Только Другой, как конкретная и каждый раз новая реальность, способен разрушить эту самодовольную тождественность.

Другой – не в теоретической ипостаси «человека вообще», а в хронотопе «здесь и сейчас» – это всегда загадка, которую нужно разгадать. Лицо другого – это не застывшая маска, а нечто постоянно обновляющееся, «реальнейшая из реальностей», провоцирующая к ответным действиям. Выстроить «доминанту на лицо» значит заинтересоваться ближним, защитить его, поставить его интересы выше своих, полюбить его: «Любимое человеческое лицо лучше всего символизирует то, что представляет для человеческого мышления и поведения истина, предчувствуемая и проектируемая, но не дающаяся в руки, влекущая за собой все далее вперед. Она всегда нова, всегда впереди» [8, с. 337]. Деятельность, ориентированная на лица, существующие в конкретном хронотопе, придает образу мира бесконечно новые смыслы.

2. М.М. Бахтин: хронотоп и поступок

В 1925 г. в Петергофском естественно-научном институте прошла лекция Ухтомского о хронотопе в биологии. В числе посетителей этой лекции был и Бахтин. Отталкиваясь от высказанных Ухтомским идей, он разработал собственную оригинальную концепцию хронотопа.

В 1936–1939 гг. Бахтин занимался вопросами романа воспитания, и тема хронотопа, вначале возникшая в этом контексте, по видимому, как периферийная, стала занимать все более заметное место в его изысканиях: в результате сформировалась достаточно объемная рукопись, посвященная хронотопу в романе. Опубликована она была только в 1975 г. (после авторской переработки) под заглавием «Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике». Бахтин, признавая важность изучения хронотопа в различных сферах культуры, в своей работе счел нужным сфокусироваться исключительно на литературе, в частности, на истории европейского романа от Античности до Ренессанса.

Бахтин определяет хронотоп как «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [2, т. 2, с. 341]. Он указывает на истоки понятия: «термин этот употребляется в математическом естествознании и был введен и обоснован на почве теории относительности (Эйнштейна). Для нас не важен тот специальный смысл,

который он имеет в теории относительности, мы перенесем его сюда – в литературоведение – почти как метафору (почти, но не совсем); нам важно выражение в нем неразрывности пространства и времени (время как четвертое измерение пространства)» [2, т. 2, с. 341].

Картина мира каждого автора культурно обусловлена: он выстраивает свой художественный мир на основе определенных фоновых хронотопов культуры. В итоге на основании определенной картины мира в литературе формируются различные устойчивые способы организации художественных времени и пространства. Так, герой античного авантюрного романа – игрушка судьбы, а персонаж биографического романа Нового времени – личность, создающая свою судьбу самостоятельно. Эта и другие идеи получают свое временное и пространственное воплощение в рамках соответствующего хронотопа.

Внутри «больших» хронотопов (авантюрного, биографического, идиллического, карнавального и т.д.), которые организуют базовые сюжеты романов, Бахтин выделяет устойчивые хронотопические образы – встречи, дороги, площади, салона и т.д.

Такие образы во многом определяют основные идеи художественного произведения, жанровые характеристики литературы, сюжет. Придавая абстрактным замыслам автора конкретное пространственно-временное выражение, они делают их осмысленными и наглядными. Бахтин подчеркивает, что именно хронотоп является условием раскрытия культурных (в том числе ценностных) смыслов произведения.

В теории литературы (так же, как в эстетике и культурологии) хронотоп выступает в качестве категории преимущественно познавательно-методологической: с его помощью исследователь высвечивает культурные смыслы, конструирующие произведение (по крайней мере в большей части работ филологического плана хронотоп используется именно в роли инструмента анализа текста).

Применительно к этике сфера использования хронотопа как инструмента познания весьма ограничена. В таком понимании его можно использовать в лучшем случае для описания истории нравов (в «Формах времени и хронотопа» эти вопросы затрагиваются). Но для решения практических моральных проблем, тре-

бующих от субъекта совершения реального морального выбора, такой трактовки хронотопа не достаточно. Еще Аристотель отмечал, что этика нужна не для того, чтобы знать, что есть мораль, а для того, чтобы поступать морально [1, с. 11–12].

Однако категория хронотопа у Бахтина (как и прочие его «вызывающе неточные» термины) допускает и иные трактовки. Одну из альтернативных интерпретаций предлагает Лииса Стейнби, которая пишет: «В бахтинской идее хронотопа человеческий поступок в романе помещен в рамки темпорально и пространственно определенных возможностей. Хронотопы открывают для персонажей определенное время-пространство возможного поступка, который обусловлен локальностью или социальной ситуацией, но все же оставляет индивиду свободу морального выбора. Таким образом, хронотопы являются категориями, прежде всего, не познания, но возможности человеческого поступка» [11, с. 122].

Так, в Античности человеком играет судьба, но он может сопротивляться ей, оставаясь самим собой; в Новое время человек сам выбирает себя, вырываясь из тесных рамок традиционной морали. Корни хронотопа (как и других бахтинских идей) в такой трактовке следует искать в философии *поступка*.

Нравственная философия Бахтина прямо противопоставляет себя классической этике норм. Ярким примером последней является деонтология Канта, требующая подчиниться долгу, который находится вне эмпирических времени и пространства: в вечности и безграничности. Нравственная философия Бахтина, напротив, признает первенство поступка, который реализуется только «здесь и сейчас», в конкретных времени и пространстве. Она не отрицает важности общих норм, но считает, что они значимы только для выстраивания теоретических суждений и не имеют прямого отношения к реальной нравственной ответственности.

Сам Бахтин пишет об этой противоположности общей теории и единичного поступка так: «С единственного места моей причастности бытию единые время и пространство индивидуализуются, приобщаются, как моменты ценностной конкретной единственности. С точки зрения теоретической пространство и время моей жизни ...отрезки единого времени и пространства, и, конечно, только это гарантирует смысловую однозначность их определений в суждениях; но изнутри моей причастной жизни эти

отрезки получают единый ценностный центр, что и превращает действительное время и пространство в единственную, хотя и оторванную индивидуальность» [2, т. 1, с. 54].

Таким образом, если для этики норм существует единая и абсолютная система отсчета, то в нравственной философии Бахтина отсчет ведется с позиции субъекта, придающего хронотопу ценностное измерение. Каждый человек уникален, находится «в единственном времени и единственном пространстве единственного бытия» [2, т. 1, с. 38], и, следовательно, то, что он может понять и сделать, никто другой понять и сделать не может (в этом смысле расхождение между философией поступка и этикой норм соответствует расхождению между классической и неклассической наукой).

Было бы упрощением рассматривать различия между Кантом и Бахтиным как различия между моральным догматизмом и моральным релятивизмом (последний в европейской культуре восходит по меньшей мере к софистам и представлен в разных вариациях на протяжении всей истории нравственной философии). У Бахтина истина интерсубъективна, она рождается и существует в общении, в споре, и каждая реплика в диалоге представляет одну из разных точек зрения на ту же истину. «Нужно сказать, что и релятивизм, и догматизм одинаково исключают всякий спор, всякий подлинный диалог, делая его либо ненужным (релятивизм), либо невозможным (догматизм)» [2, т. 6, с. 81]. Для Бахтина же истина не задана заранее, а возникает и изменяется, получая новые смыслы в ходе постоянной диалогической переинтерпретации.

Аргумент против релятивизма несколько иного рода предполагает, что все люди исходят из общих предпосылок в силу того, что разделяют ту же природу. В жизни всех людей есть нечто неминуемое, и самое очевидное из того, что уравнивает их, – это временность существования. Именно бренность человека придает хронотопу ценностный характер: «Только ценность смертного человека дает масштабы для пространственного и временного ряда: пространство уплотняется, как возможный кругозор смертного человека, его возможное окружение, а время имеет ценностный вес и тяжесть, как течение жизни смертного человека» [2, т. 1, с. 59].

Если бы смерти не было, восприятие времени было бы лишено этих эмоционально-волевых тонов: осознание конечности

придает бытию смысл, делает его по-настоящему человеческим. Здесь рассуждения Бахтина практически совпадают с позицией Мартина Хайдеггера, выраженной в «Бытии и времени» (1927). Такое сходство, очевидно, вызвано скрытым диалогом обоих мыслителей с идеями Анри Бергсона о длительности, Эдмунда Гуссерля – о внутреннем сознании времени и т.д., т.е. всеми теми философскими концепциями, с которых и начался поворот в понимании времени в гуманитарных науках.

Бахтин развивает эти идеи в диалогическом ключе, акцентируя внимание на том, что рождение и смерть – временные границы жизни, задающие ее смысл, – не даны человеку непосредственно. Человек не может помнить своего рождения и переживать утрату себя – эти ключевые события воспринимаются с позиции Другого. В этом смысле только Другой способен оформить меня, придать моей жизни целостность, увидеть ее от начала до конца, оценить полностью и понять, чего я достоин – памяти или забвения.

Событие – не точка на мировой линии в системе четырехмерных координат, а встреча, как минимум, двух мировых линий, пересечение разных жизненных траекторий. Это не просто событие, а со-бытие как сосуществование двух сознаний, меня и Другого, находящихся в диалоге и непрерывно поступающих.

В диалогическом общении структурируется кардинально иное пространство, отличное от физического. Оно характеризуется близостью и дистанцией между собеседниками, социальными и культурными границами, которые они для себя устанавливают или преодолевают. Такое пространство общения – это уже не вместилище объектов (в духе механики Ньютона), как неизменная данность. В диалоге пространство задано – собеседники не помещены в него, а сами выстраивают его своими репликами. Смысл этого пространства не спущен свыше, а возникает в общении, обмене вопросами и ответами.

Взаимодействие двух позиций – меня и Другого – создает архитектуру поступка, которая в конечном счете и представляет собой хронотоп морали: «Все пространственно-временные и содержательно-смысловые ценности и отношения стягиваются к этим эмоционально-волевым центральным моментам: я, другой и я для другого» [2, т. 1, с. 50]. Весь мир для меня – это хронотоп «здесь и сейчас», но как целое этот хронотоп осознается только с позиции

иного хронотопа. Иными словами, в пространстве морали хронотоп есть единство времени и пространства, получающее свой смысл извне: из хронотопа Другого.

3. К понятию морального хронотопа

Исследование нравственных характеристик хронотопа позволяет не только лучше понять этические воззрения Ухтомского и Бахтина, но и выявить некоторые значимые закономерности формирования и развития моральных смыслов. Бахтин писал, что «всякое вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хронотопов» [2, т. 3, с. 503], и это справедливо для этики не меньше, чем для литературоведения. Можно утверждать, что нравственные ценности и нормы находятся за пределами времени и вне эмпирической реальности, но даже в этом случае этический дискурс (причем как в обыденных рассуждениях, так и в научных работах) не может отказаться от понятий, связанных с пространством и временем.

Пространственные характеристики морали в этическом дискурсе передаются с помощью концептов открытости или закрытости ценностной системы, простора для свободного самовыражения, границ допустимого, нравственной дистанции, моральных ориентиров и окружения. Мы можем говорить о глубине морального падения или высоких ценностях, узости и широте морального кругозора, рассуждать о любви к «ближнему» или «дальному». Все эти характеристики фигурируют в этике почти как метафоры. Почти, но не совсем: без этих конкретизирующих метафор этика превращается в пустую абстракцию, оторванную от реальной практики.

Схожую роль выполняют временные характеристики. Мы знаем, что мораль изменяется, и далеко не к лучшему («О времена, о нравы!»), говорим об обновлении и устаревании ценностей, ритме и динамике морального развития, эволюции и инверсии ценностей, связи поступков в цепь деятельности, об их причинах и последствиях, ценностном наполнении событий рождения и смерти, детства и старости.

Моральные категории не имеют смысла вне пространства и времени, чтобы понять и объяснить другому их смысл, их нужно

вписать в хронотоп, т.е. поместить в конкретное пространство и обозначить временной период действия (например, визуализировать или указать на конкретный случай). Особое видение социального пространства-времени, взятое в координатах добра и зла, и образует хронотоп морали.

Пространство и время в морали не сосуществуют изолировано друг от друга. Они взаимно зависимы, перетекают друг в друга, спаяны в единое целое. Пространственным перемещениям сопутствуют временные изменения и наоборот. Например, расширение границ нормы и сокращение моральной дистанции с ранее непризнанными группами может пониматься как нравственный прогресс [9]; базовые ценностные ориентиры, позволяющие ориентироваться в пространстве морали, могут быть размещены в прошлом, настоящем или будущем; смыслы моральных понятий со временем могут сближаться друг с другом или, напротив, расходиться и т.д.

Личность имеет дело с многослойной хронологической реальностью, составленной из хронотопов разных уровней – от общих (свойственных большинству людей) до уникальных (как правило, возникающих в ситуации неопределенности). Первые выражают универсальную позицию, вторые – альтернативные точки отсчета.

Наиболее общие моральные хронотопы можно назвать *фоновыми*: как правило, это те ценности, представления, установки, предположения, которые считаются само собой разумеющимися и редко осмысливаются критически. С одной стороны, такой хронотоп погружен в «коллективное бессознательное», свойственное тем или иным культурным регионам и эпохам, с другой – опирается на элементы идеологии, которая обычно направлена на поддержание стабильности ценностной системы (таков, к примеру, хронотоп европоцентризма, проявляющийся в трактовке моральных представлений, возникших в культурных условиях Европы в качестве универсальных принципов).

За динамику морали отвечает другая группа хронотопов, которая оформляется на пороге, на периферии, на границах культуры. Основная функция *порогового* хронотопа – нормотворчество и последующее изменение границ допустимого. В отличие от фонового хронотопа, стремящегося к унификации и централизации

смыслов, пороговые хронотопы конкретны и разнообразны (продолжая пример с европоцентризмом, можно сказать, что преодоление обусловленных им предрассудков предполагает отказ от единственной точки зрения и учет альтернативных хронотопов, представляющих уникальный опыт других культур). При учете полифонии позиций и возникает объемно-противоречивый образ культуры.

Если фоновый хронотоп ставит человека перед выбором между заранее определенными добром и злом, то в пороговых хронотопах всегда сталкивается несколько позиций, где предполагается выбор между разными трактовками добра или зла. Так, фоновой является точка зрения, согласно которой внутренней ценностью обладают только люди (да и то, возможно, не все). В современной экологической этике этот тезис поставлен под вопрос и заявлено множество мнений о том, где именно должна проходить граница между внутренне и инструментально ценным (альтернативными критериями моральной релевантности признаются способность чувствовать боль, вклад в целостность экосистемы или жизнь как таковая). Сходная ситуация – в биоэтике и прочих прикладных этиках, пытающихся ответить на новые моральные вызовы.

Если фоновый хронотоп существует в пространстве нормального, то пороговые хронотопы формируются в пространстве между нормой и ненормальностью. В силу своей оппозиционности фоновым смыслам такие хронотопы нередко приобретают форму пограничных ситуаций, скандалов, провокаций, споров, протестов, революций, кризисов. Существование в таком пространстве – это и есть движение по пути наибольшего сопротивления, поскольку оно требует от того, кто пытается ввести новые нормы, преодоления инерции общественного мнения, а в ряде случаев и определенной жертвенности, которая придает ситуации моральный пафос. Практически всегда пороговые хронотопы пытаются воплотить в пространстве сущего то вероятное должное, которое в будущем может стать нормой. Сегодня таким пространством может выступать место у постели больного, лаборатория биохимика, площадка интернет-форума и т.д.

Что касается характера времени, то можно отметить, что в моральных хронотопах оно замедляется при движении к центру

и ускоряется при движении к периферии. Замедление вызвано стремлением официальной культуры сохранить status quo, однако даже в этом случае время медленно, но движется. Ускорение обусловлено высоким темпом перемен в ситуации столкновения различных идей, мнений, ценностей. Диалог всегда темпорален – он обращен в будущее как предвосхищение ответа Другого и других потенциальных высказываний. В этом столкновении будущее не предугадывается, а фактически творится.

Ориентиром для понимания конструктивистской основы порогового хронотопа могут служить идеи Ханса Йосаса о креативном действии [3]; (подробный их анализ в сравнении с идеями Бахтина дан в книге Грега Нильсена «Нормы ответственности» [10]). В этом контексте можно говорить о двух стратегиях предвосхищения будущего. В фоновом хронотопе прогнозирование – это экстраполяция тенденций прошлого в будущее, позволяющая предугадать, что с нами случится. Предполагается, что каждое последующее событие жестко детерминировано предыдущим (так что демон Лапласа может абсолютно точно рассчитать положение каждого атома во Вселенной в любой момент времени). В пороговых хронотопах будущее – это не то, что мы хотим предугадать, а то, что мы сами создаем в своих поступках здесь и сейчас: гносеологический подход к хронотопу здесь заменяется онтологическим.

Бытие человека имеет временной и временный характер: мы осознаем одновременно нашу погруженность во времени и конечность того времени, которым располагаем. Мы все смертны, но культура разработала механизмы, дающие надежду на бессмертие. Кант, например, полагал, что основанием такой надежды является религия (а обоснованием последней – мораль). Бахтин не писал о религии предметно, но в фокусе его внимания находился иной хронотоп обретения бессмертия, но уже в коллективном смысле – карнавал, который давал участникам осознание «причастности народному ощущению своей коллективной вечности, своего земного исторического народного бессмертия и непрерывного обновления-роста» [2, т. 4, ч. 2, с. 268].

Проецируя идеи Бахтина на современность, нужно признать, что даже такое коллективное бессмертие перестало быть чем-то гарантированным: мы все больше ощущаем временный характер существования человека как вида. По словам Ганса Йонаса, в ус-

ловиях экологического и прочих системных кризисов нашей путеводной звездой является уже не надежда на будущее, а страх перед ним. В этой ситуации категорическим императивом должно стать требование не дать человечеству погибнуть [4].

Моральный хронотоп ориентируется на будущее, восприятие которого в современном обществе коренным образом отличается от представлений первой половины XX в., когда Ухтомский и Бахтин выдвинули свои концепции хронотопа. Образ будущего сегодня – это не надежда, а угроза, и мы не столько стремимся приблизить его, сколько избежать.

У нас разные убеждения и предпочтения, но в вопросе о сохранении человечества мы вполне способны достичь временного согласия. С этой позиции требование не дать человечеству погибнуть – это один из вариантов ответа на вопрос о том, что может объединить нас. С точки зрения Ухтомского предложение отказаться от удовлетворения потребностей сегодня ради того, чтобы избежать серьезных последствий завтра, представляет собой моральный хронотоп в полном смысле этого слова.

Выход, который мы не можем найти внутри границ фонового хронотопа, может быть найден, если мы «выстроим доминанту» на чужие голоса и в процессе диалога с ними начнем проектировать собственное будущее, отталкиваясь, в том числе, от негативных его сценариев. Поскольку у человечества нет Другого, который смотрел бы на него со стороны и говорил, что необходимо делать, какая-то часть нас должна поддерживать свою инаковость, не соглашаясь с большинством и предлагая ему альтернативные варианты будущего.

Идеи Ухтомского и Бахтина о хронотопе, поступке, доминанте, полифонии и т.д. могут служить отправной точкой для исследований временных и пространственных характеристик морали. Их особенность состоит в том, что они не дают нам готовых схем и не предвосхищают конечных выводов. Они приглашают нас к диалогу: ставят вопросы и способствуют поиску собственных ответов на них, провоцируют к размышлениям о проблемах и перспективах современной морали. В этом смысле хронотоп можно понимать как инструмент не только постижения существующей, но и конструирования новой нравственной реальности.

Список литературы

1. *Аристотель*. Сочинения : в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. 830 с.
2. *Бахтин М.М.* Собрание сочинений [в 6 (7) т.]. М.: Русские словари; Языки славянских культур. 1997–2012.
3. *Йоас Х.* Креативность действия. СПб.: Алетейя, 2005. 320 с.
4. *Йонас Г.* Принцип ответственности. М.: Айрис-пресс, 2004. 480 с.
5. *Левинас Э.* Время и другой. Гуманизм другого человека. СПб.: ВРФСШ, 1998. 265 с.
6. *Платон*. Апология Сократа // Собрание сочинений : в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 70–96.
7. *Ухтомский А.А.* Интуиция совести. СПб.: Петербургский писатель, 1996. 526 с.
8. *Ухтомский А.А.* Доминанта. СПб.: Питер, 2002. 448 с.
9. *Honneth A.* The Struggle for Recognition: The Moral Grammar of Social Conflicts. Cambridge: Polity Press, 1995. 215 p.
10. *Nielsen G.M.* The Norms of Answerability: Social Theory between Bakhtin and Habermas. NY: NYU Press, 2002. 273 p.
11. *Steinby L.* Bakhtin's Concept of the Chronotope: The Viewpoint of an Acting Subject // Bakhtin and his Others: (Inter)subjectivity, Chronotope, Dialogism. London: Anthem Press, 2013. P. 105–122.

References

1. Aristotle'. *Sochineniya : v 4 t.* [Works : in 4 vols]. Vol. 4. Moscow: Mysl' Publ., 1983. 830 p. (In Russ.)
2. Bakhtin, M.M. *Sobranie sochinenii [v 6 (7) t.]* [Collected Works : in 6 (7) vols]. Moscow: Russkiye Slovarei; Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 1997–2012. (In Russ.)
3. Ionas, Kh. *Kreativnost' deistviya* [Creativity of Action]. St Petersburg: Aleteiya Publ., 2005. 320 p. (In Russ.)
4. Ionas, G. *Printsip otvetstvennosti* [Principle of Responsibility]. Moscow: Airis-press Publ., 2004. 480 p. (In Russ.)
5. Levinas, E. *Vremya i drugoi. Gumanizm drugogo cheloveka* [Time and the Other. Humanism of the Other]. St Petersburg: VRFSH Publ., 1998. 265 p. (In Russ.)
6. Platon. "Apologiya Sokrata" ["The Apology of Socrates"]. *Sobraniye sochinenii : v 4 t.* [Collected Works : in 4 vols]. Vol. 1. Moscow: Mysl' Publ., 1990. pp. 70–96. (In Russ.)

7. Ukhtomskii, A.A. *Intuitsiya sovesti* [*The Intuition of Conscious*]. St Petersburg: Peterburgskii pisatel' Publ., 1996. 526 p. (In Russ.)
8. Ukhtomskii, A.A. *Dominanta* [*The Dominant*]. St Petersburg: Piter Publ., 2002. 448 p. (In Russ.)
9. Honneth, Axel. *The Struggle for Recognition: The Moral Grammar of Social Conflicts*. Cambridge: Polity Press, 1995. 215 p. (In English)
10. Nielsen, Greg Marc. *The Norms of Answerability: Social Theory between Bakhtin and Habermas*. NY: NYU Press, 2002. 273 p. (In English)
11. Steinby, Liisa. "Bakhtin's Concept of the Chronotope: The Viewpoint of an Acting Subject". *Bakhtin and his Others: (Inter)subjectivity, Chronotope, Dialogism*. London: Anthem Press, 2013. pp. 105–122. (In English)